

**Выписка из письма купца Якова Чиликина о пребывании Французовъ въ
Москве.—Получено января 2-го ч. 1813 года.**

Москва, 13 ноября 1812 года. Милостивый Государь, Григорий Петровичъ! Наконецъ, привыкши уже къ таковой сцене, намъ казалось, какъ обыкновеннымъ, и я сталъ вызывать И. Г. къ выезду въ Москву или до коихъ местъ доедемъ; онъ былъ согласенъ, и мы 24-го ч., поутру, выехали изъ Володимира въ Москву, прѣехали на заре 26-го ч. августа; я присталъ квартирою въ Ипатьев-скомъ переулке къ И. А. Колесову; напившись чаю, пошелъ къ Кожевникову, звоню въ колокольчикъ, выходитъ мальчикъ, которому говорю, чтобы доложилъ обо мне Петру Ивановичу; онъ уходитъ и черезъ минуту, возвратившись, сказалъ, что дочь его чрезвычайно нездорова да и самъ также, притомъ же и не время заняться; и я принужденъ идти обратно и, такимъ образомъ, навещалъ его каждый день, но съ одинаковымъ успехомъ; наконецъ, 30 - го ч. пошелъ съ намерениемъ непременно увидеться съ нимъ; прихожу, но онъ въ это утро уехалъ изъ Москвы, со всемъ семействомъ, и я принужденъ остаться, не видавшись съ нимъ; наконецъ, решился и самъ ехать въ Владшунрѣ.—И. А. Колесовъ выехалъ изъ Москвы 1-го сентября, а я остался съ темъ намерениемъ, чтобы, изготовившись, выехать во вторникъ, т. е. 3-е ч.; итакъ, я субботу, воскресенье и понедельникъ ходилъ по Москве и рядамъ, но видъ более походилъ на воинственный, нежели какъ въ спокойное время; везде по улицамъ только и видно, что солдаты, и въ эти дни все шла наша армія черезъ Москву целыми дивизіями, а особенно въ понедельникъ; съ самага утра шла во весь день; я подумалъ, что и мне здесь оставаться было не для чего, и за непременно положилъ, чтобъ выехать поутру на другой день, но какъ я остался въ квартире одинъ, только съ прикащикомъ И. А. К., то сидеть дома показалось скучно; я поутру выхожу, иду по набережной, прохожу на Смоленский рынокъ, откуда шла наша армія; посидевъ тутъ и посмотревъ, какъ наши солдатушки и ратники шли, лавки и кабаки ласкали, пошелъ въ Кремль; прохожу мимо коменданта къ старому арсеналу, вижу множество народу толпится около онаго; я подхожу, спрашиваю причину; мне говорятъ, что позволено всякому сколько угодно брать орудія, а за припасомъ приходить на другой день, т. е. 3-е ч. Съ прочими и я продрался, взялъ 2 ружья и 2 сабли, но для чего? право и самъ не знаю, принесъ на квартиру; после обеда вздумалось мне еще сходить въ арсеналь выбрать пару пистолетовъ. Проходя по набережной, остановился у Москворецкаго моста посмотреть на конницу, которую офицеры начали поторапливать къ скорому маршу; я подбежалъ къ одному офицеру, спрашиваю: далеко ли неприятель и куда они идутъ? онъ сказалъ, что неприятель за 6 верстъ и направлете взялъ въ сторону, а мы идемъ ему на встречу; и уверялъ, что Французу никогда не бывать въ Москве; это несколько насъ покуражило, и я тутъ, простоявъ до 3-хъ часовъ пополудни, пошелъ въ Арсеналь, вхожу въ оной, выбираю саблю и пару пистолетовъ, вдругъ сделался выстрелъ изъ пушки у самага арсенала и за онымъ последовалъ другой. Народъ пришелъ отъ сего въ крайнее волнете; я бросился на дворъ; народъ бегаеть взадъ и впередъ; между ими и казаки на лошадахъ также не знали, куда деться; прибегаю къ воротамъ,

но что же вижу? Французская конная гвардия летит, как на крыльях, мимо комендантского дома и насъ къ Никольскимъ воротамъ; вообразите, въ какомъ положенія мы находились! я такъ испугался, что руки и ноги задрожали, черезъ великую силу добрался къ уголку воротъ, тутъ еще сделанъ выстрелъ изъ пушки съ нашей стороны; опомнившись немного, отошелъ отъ стены и вижу двухъ смельчаковъ изъ солдатъ съ ружьями, стреляющихъ въ Французовъ, а прочіе кричали ура! ура! но Французы не оставляли своего порядка, скакали съ обнаженными саблями мимо насъ и, несмотря на дерзость нашихъ двухъ солдатъ, не сделали ни одного выстрела противъ насъ. Некоторые изъ нашихъ зачали говорить, что они насъ не тронуть; я, понадеясь на ѳе, вышелъ было изъ воротъ и пошелъ на уголь, чтобъ пробраться въ Никольскіе ворота, и не успелъ отойти 10 сажень, какъ одинъ французскій офицеръ выскочилъ изъ-за угла (где бы мне должно было идти) за нашимъ Русскимъ, который бѣжалъ ко мне на встречу съ ружьемъ, нагналъ его и изрубилъ; я, увидѣвъ сіе, не помню, какъ добрался опять до воротъ; видя, что смерть неизбежная, не знаю, что делать, однако, опамятовавшись отъ такого испуга, побежалъ во внутренность Арсенала, положившись на власть Божию, но не успѣлъ вбежать до половины лестницы, какъ последовалъ опять ударъ изъ пушки; я оглянулся, дымъ засталъ весь проходъ въ ворота; это, видно, уже французы были очень раздражены нашими пьяными смельчаками, что такого, пустили въ насъ фолканета; признаюсь, я более не въ силахъ былъ идти, и мысль, что французы, заставъ насъ въ такомъ месте, где брали орудія, чтобы поднять оное противу ихъ, не выпустятъ ни одного живого, а изрубятъ или перестреляютъ до одного, приводила меня въ отчаянїе, которое, однакожъ, несколько придало силъ для спасенія жизни; собираюсь съ духомъ, бегу во внутренность Арсенала, народъ въ ономъ бегаетъ взадъ и впередъ, ища каждый своего спасенія, но негде, вездѣ могутъ найти, да и оставаться въ такомъ месте нѣтъ никакого резона; я бросился съ некоторыми къ окошку, къ единственному спасенію своей жизни; но железная решетка не позволяла намъ выскочить; некоторые старались оную выломать, но стараніе ихъ осталось тщетнымъ; что делать и куда деться? однакожъ одному тончоватому удалось пролезть сквозь решетку; подобные ему последовали за нимъ, а которые несколько потучнее, сунувъ голову, но не лезетъ, принуждены были остаться тутъ (объ участи коихъ никому и неизвестно). Я также въ свою очередь продрался къ окошку, чтобъ испытать последнее средство къ спасенію, и къ счастью, хотя съ крайнею нуждою, но пролезъ, оборвавъ пуговицы у сюртука, соскочивъ на стену, съ стены на валь, съ валу на землю, всего летѣлъ сажень до восьми—и отъ этихъ трехъ прыжковъ такъ отбилъ себе ноги, что насилу могъ встать. Тутъ попался мне одинъ Московскій купецъ, который также за мною прыгалъ, но, будучи здоровее меня, помогъ мне подняться съ земли; я прошу его, чтобъ онъ не оставилъ меня; онъ столь добродушенъ, что, взявъ за руку, повелъ, помогая идти; но куда же еще идти? Французы вездѣ заняли дороги; съ левой стороны Никитскую улицу Французская колонна занимаетъ, съ правой по Тверской другая тоже занимаетъ; что делать и куда спастись? противу Арсенала железные ряды; мы туда потихоньку пробрались и зашли во внутренность ряда; тутъ былъ пустой

трактиръ, мы въ него и спрятались было, но, пробывъ четверть часа и отдохнувъ, товарищъ мой, который не оставлялъ меня, сказалъ, что намъ въ этомъ месте худое спасете, и мы опять вышли изъ онаго въ переулочекъ ряда, где набралось народу довольно; побродивши взадъ и впередъ, не знали, какъ изъ онаго выбратся; бывши въ такой нерешимости, вдругъ въехалъ къ намъ Французскій офицеръ и одинъ, безъ обнаженной сабли, но, увидавши насъ въ довольномъ числе и всехъ вооруженныхъ, у кого ружье, у другаго сабля, а у инаго пистолеты, и самъ обнажилъ саблю и закричалъ: але! т. е. чтобъ мы бросили оружіе и выходили на большую улицу; мы съ товарищемъ, видя, что дело худое, завернулись въ маленькой проходъ изъ этого ряда на улицу; я подбежалъ къ уголку и, выглядывая изъ-за онаго, вижу, что одна колонна, проходя по Тверской, оканчивалась; кликнувъ товарища, решились перебежать чрезъ дорогу; но только что вышли на половину дороги, видимъ другую колонну, вступающую въ Воскресенскге ворота, а передъ нею везутъ две пушки; что делать? воротиться уже было поздно, и такъ пустились на власть Божию потихоньку, чтобъ не подать подозрѣнія и перешли чрезъ дорогу, боясь оглянуться; въ этомъ месте я бросилъ и саблю, чтобъ не увидали, а если бы это случилось, что увидали у меня оружіе, то не упустили бы изъ виду и непременно бы застрелили; притомъ же мы были такъ отъ нихъ близки, что довольно одного пистолетнаго выстрела положить насъ на месте; итакъ, пробираясь потихоньку по Трубе къ яблочному ряду, завернулись изъ виду за оной. Тутъ опросилъ меня мой товарищъ: куда вамъ надобно пробратся? я говорю, что на Ильинку въ Ипатьевской переулокъ; а мне, сказалъ онъ, надобно на Солянку въ домъ Коммерческой Академіи (ибо онъ накануне только переехалъ въ оной съ семействомъ для безопасности). Я этому былъ очень радъ, что намъ обоимъ была дорога одна и Академія была недалеко отъ моей квартиры и разделяли только Варварскіе ворота; итакъ, выбравшись изъ виду у Французовъ, несмотря, что ноги насилу несли, пустились уже бегомъ, пробежали Никольскіе и Ильинскіе ворота, стали подходить къ Академіи, где намъ должно было разстаться, и, лишь только дошли до угла, Французская конница вступаетъ въ Варварскіе ворота намъ навстречу; какой страхъ! и какъ пройти мне до квартиры! товарищъ мой сказалъ: „вамъ теперъ никоимъ образомъ туда идти нельзя, не подвергши жизнь свою опасности," и предложилъ мне съ собою идти въ Академію; я былъ очень доволенъ его приглашетемъ и радъ что нашелъ такое прибежище въ такихъ критическихъ обстоятельствахъ. Пришедъ въ оную, говоримъ, что Французъ вступилъ въ Москву и засталъ насъ въ Арсенале и какимъ образомъ спаслись, но намъ не хотели верить, а говорили, что это шла наша Армія; но, вышедъ на дворъ, уверились въ истине нашихъ словъ, увидя, какъ проходила Французская Армія съ обнаженными саблями, и бывши очевидными зрителями, какъ одного русскаго солдата изрубили на улице противъ церкви Всѣхъ Святыхъ, что на Куличкахъ; итакъ, мы, избавившись отъ одной опасности, ожидали следующей, не зная, что съ нами последуетъ; наконецъ, все улицы и переулки были заняты Французами, и поставлены на каждомъ перекрестке караулы; тутъ начали они скакать взадъ и впередъ, дѣлая саблями разныя движенія, что приводило насъ

въ пущий страхъ; въ сумерки зажгли въ городе ряды и еще во многихъ мѣстахъ по Москве; въ полночь все пустились на грабежъ; во второмъ часу и къ намъ пожаловали **5** человекъ съ **10** лошадьми; остановившись на дворе и разложивъ огонь, пришли къ дверямъ, зачали стучать; но, видя, что долго не отпираютъ, изломали двери и пожаловали въ покои, сначала стали просить изъ съестного: хлеба, масла, яицъ, сыра, вина и для лошадей сена, и какъ все это было выполнено, зачали варить себе ужинъ; поевши, двоихъ оставили у лошадей, а трое пошли по комнатамъ, начали обыскивать съ ногъ до головы и ломать кладовыя и сундуки, которое получше и полегче брали, а прочее бросали; со мною было только ассигнациями **75** руб. (а прочия оставались на квартире), да серебромъ рублей **30**; ассигнации до ихъ приходу, когда еще начали стучаться, отдалъ я дворецкому, чтобъ съ ихъ деньгами спрятать, и оне были спрятаны подъ кирпичи, а серебро оставилъ при себе, опасаясь, чтобъ не стали мучить. Обобравши прочихъ, дошла очередь и до меня, начали раба Божья повертывать по своему, въ минуту вышарили во всехъ карманахъ, и серебро мое очутилось въ рукахъ французовъ! еще былъ у меня въ кармане перочинный англійский ножичекъ, купленный у Макарья, за который заплатилъ **12** руб., и тотъ отняли, мне его жалко было, я сталъ было его просить пантоминами себе, но вместо ответа, выхватилъ саблю и замахнулся на меня, бранясь по своему, я принужденъ замолчать и осторониться, думая: пропадай ты, проклятое творенье, и съ ножичкомъ; напоследокъ, видя, что нечего больше взять, ушли на дворъ и тутъ пробыли до рассвета; после ихъ, попеременно, одни за другими, зачали къ намъ ходить и рыться по кладовымъ и въ сундукахъ; такимъ образомъ, мы не знали ни дня, ни ночи покоя до среды; и не спали ни на волосъ; въ этотъ день, въ **5** часовъ пополудни, зажгли во всехъ местахъ Москву; въ одно время везде запылало, за нами, передъ нами и со всехъ сторонъ такъ, что едва-едва пробрались сквозь пламя къ Воспитательному Дому, задыхаясь отъ дыму; тутъ экономский сынъ, знакомый моимъ товарищамъ, насъ пригласилъ или, лучше сказать, велелъ идти къ себе въ комнаты; мы, оставя тутъ своихъ женщинъ и детей, сами пошли съ прочими отстаивать домъ, который былъ въ величайшей опасности; какая ужасная картина представилась въ эту ночь! все почитали, что это преставление света; къ тому же поднялась такая жестокая буря, которая срывала съ домовъ крыши съ огнемъ и уносила на некоторое пространство; а отъ жары и дыма стоять было нельзя; все почитали, что намъ не спастись тутъ, а выйти некуда, кругомъ въ огне; даже и къ Москве реке приступить было нельзя, по причине, что противъ Воспитательнаго Дома стояло много барокъ съ хлебомъ, которыя также все пылали; наконецъ, на другой день, утромъ, погода стала затихать, и опасность мало по малу начала уменьшаться, намъ погоревшимъ (такъ называли насъ и всехъ, у коихъ дома сгорели) отвели комнату во второмъ этаже— въ такъ называемой деревенской экспедицш, где насъ было человекъ до 40.—Въ пятницу, когда все прогорело, а только что курилось, пошли мы въ Академию посмотреть и не найдемъ ли что изъ съестного припаса, ибо съ самаго выхода изъ оной куска хлеба не было во рту; къ счастью, кладовая съ провизьею осталась цела, потому что была со сводами; взяли муки, масла постнаго, крупы

и еще кое-чего оставшагося изъ платья, а деньги спрятанныя стали было искать, но не тутъ то было, ихъ какой-то добрый человекъ прежде насъ вырыль; взявъ всякий по нонгъ, пошли въ Воспитательный Домъ; но лишь перешли большую улицу и только вступили въ переулокъ, откуда ни взялись шестеро Французовъ; остановивъ насъ, начали раздавать и обыскивать; ко мне подошли четверо и въ одно время начали скидывать, кто сюртукъ, галстукъ, другой панталоны, третий сапогъ, четвертый другой и растянули такъ, что я во время ихъ занятя около меня не дотрагивался до земли, а носили или, лучше сказать, таскали на рукахъ, таща каждый въ свою сторону. Напоследокъ опустили, оставя меня въ одной только рубашке; опамятовавшись немного, сказалъ одному изъ нихъ: мусье! какъ пойду? и показаль на себя и на Воспитательный Домъ, но онъ вместо ответа выхватилъ саблю и сделалъ махъ, я отстороился, и махъ миноваль меня на четверть, я тутъ такъ и обмеръ; после меня зачали такимъ же образомъ поступать и съ другими моими товарищами; я, опамятовавшись несколько, стояль, какъ изступленный, въ одной рубашке и смотрель, какъ съ прочими управлялись; между ними заметилъ одного несколько человеколюбивее, я подошелъ къ нему и показаль на себя и на Воспитательный Домъ, черезъ что далъ ему понять, что мне нельзя идти въ одной рубашке; онъ, понявъ мои пантомины, бросилъ мне на плеча шубу, которую отнял у одного изъ моихъ товарищей; итакъ, обобравъ насъ кругомъ, ушли, оставя намъ крупу и масло постное, котораго они не любятъ, но мы и этому были рады и что самихъ Богъ спасъ отъ смерти;—и этимъ хлебомъ питались целую неделю; потомъ генераль Иванъ Акинфеевичъ Тутолминъ, начальникъ Воспитательнаго Дома, собравъ насъ всехъ, сколько было тутъ, и попросивъ Французскаго полковника, чтобы отпустить съ нами одного жандарма въ провожатые, дабы не могли насъ ограбить шатающься по улицамъ Французы, послаль за Москву реку въ лабазы за горелою пшеницею для нашего пропитанья; что делать? хоть и не такъ вкусно, да делать нечего, что нибудь надобно есть, и мы натаскали, каждый для себя, сколько могъ, а къ лабазамъ, где была мука, поставлены были Французские часовые, и намъ ни крошки не давали; и мы во все пребываше Французовъ питались хлебомъ по-поламъ съ горелою пшеницею, рыбою, икрою, которую таскали* съ соляного двора, картофелемъ и морковью, за которою ходили за заставу, и если пойдемъ съ жандармами, то принесемъ домой, они не давали насъ въ обиду прочимъ, а если безъ нихъ, то все отнимуть, да и самого подъ ношу запрягутъ, заставятъ что-нибудь нести за собою, и такое было мученье, что сказать нельзя;—нельзя было выдти даже изъ воротъ Воспитательнаго Дома; какъ вышелъ, то и оберуть, да подъ ношу, а внутри Дома не смели тронуть, потому что Иванъ Акинфеевичъ, еще какъ взошли Французы, то ходилъ къ Наполеону и исходатайствовалъ для всего Дома Французскаго карауль; Наполеонъ былъ очень доволенъ темъ, что пришелъ къ нему, и велель отрядить человекъ до 50 жандармовъ для охраненья Дома и уверилъ, что Воспитательный Домъ будетъ невредимъ, что бы ни последовало съ Москвою, и сдержаль свое слово: только одно было притиснение, что велено очистить половину квадрата, где у нихъ была (?), да еще въ бкружномъ строения госпиталь; туда каждый день привозили раненыхъ и даже все комнаты

были набиты оными; и мы, привыкши несколько, ходили по близости Дома, только боялись проклятыхъ ихъ ношей, а съ насъ уже нечего имъ было взять, — кто босикомъ, другой въ оборванномъ платьѣ и лаптяхъ, даже чиновники и первогильдейцы, оставшиися въ Москвѣ, ходили въ лапот